

— Если ты не можешь забыть его, у нас больше никогда ничего не будет.

Сказав это, Ци Хань поднялся наверх.

Пока тлела одна единственная сигарета, он уже успел скрыть замешательство и снова надел свою безупречную маску.

Самый молодой глава торговой палаты в Пекине. Один из 10% 3S-ранговых альф во всём мире. Его феромон — редкий белый колокольчик*. Истинная аристократия, дитя небес, идол, перед которым склоняются миллионы. Между ним и Фу Гэ — пропасть. Небо и грязь.

Его взгляд теперь был ещё более отстранённым, чем в тот день, когда они встретились вновь. Он словно принял решение — и теперь подгонял себя под него.

Он возвращался домой каждый день. Но не говорил Фу Гэ ни слова. Не отстранялся, если тот пытался прикоснуться, но и не отвечал на эти прикосновения. Весь его облик дышал ледяной, безразличной мягкостью.

Но стоило Фу Гэ войти на кухню, как Ци Хань тут же отменял деловые ужины и оставался дома. Он садился за стол и, не говоря ни слова, ждал. А потом до последнего крошки доедал всё, что было приготовлено, как будто это был какой-то редкий деликатес, который он мог попробовать лишь раз в жизни.

Он перестал выходить по ночам. Каждый вечер после ужина садился в гостиной, закинув ногу на ногу, и под светом ночника листал книги. Читал вслух — негромко, ровным голосом, на английском или немецком.

В его голосе было что-то, что делало тёмные вечера теплее. В этой хрипловатой, глубокой интонации слышались дождливые улицы Парижа и пропитанные пивом немецкие кварталы. Этот голос становился для Фу Гэ единственным лекарством от ночных кошмаров.

Фу Гэ всегда слушал, устроившись на мягком ковре, вжавшись в край дивана, наблюдая за каждым движением его ресниц, за каждым изгибом его бровей.

Но он неизменно засыпал.

И когда просыпался, то обнаруживал свою голову на коленях у Ци Ханя. А иногда — в своей постели, закутанного в одеяло.

Каждый раз, когда это происходило, он пытался удержать его.

Фу Гэ медленно, но настойчиво распахивал свою пижаму, позволял себе принимать постыдные

позы, его пальцы судорожно сжимали край одежды Ци Ханя, словно цепляясь за последнюю надежду. Он опускался на колени на кровати, едва слышно касался его ладони губами, преданно и робко, как если бы молитва могла растопить лёд.

— Господин... Давайте... Давайте сделаем это хоть раз? — его голос был низким, хриплым, дрожащим от желания и беспомощности. — Я... так вас хочу...

Ци Хань без лишних движений выдернул ткань из его пальцев, словно отстраняя не только прикосновение, но и самого Фу Гэ. В его тёмных глазах на мгновение вспыхнула какая-то едва уловимая тоска, но в следующее мгновение она растворилась в привычной ледяной отстранённости.

— Нельзя.

Фу Гэ закусил губу, сжимая и разжимая пальцы. Голос его стал ещё тише, мягче, будто медленно затягивающая ловушка.

— Тогда... останьтесь сегодня в моей комнате? Я уже согрел постель.

— Нельзя.

Этот ответ был таким же ровным, таким же бесстрастным, будто неизменный закон, который нельзя было оспорить.

Глаза Фу Гэ наполнились слезами, дрожащий плач, разлился в ночной тишине.

— Тогда... можно мне хотя бы... одно объятие? Пожалуйста... Господин... Просто... пожалейте меня хоть немного...

Ци Хань отвернулся, его голос сорвался на едва уловимую дрожь.

— Спи.

После той ночи он больше не вернулся. Будто своими поступками хотел показать, что отвергает эту любовь, но на самом деле просто ждал окончательного приговора.

Дом снова погрузился в безмолвие, Фу Гэ остался единственным живым существом в этом огромном, безразличном пространстве. Он бесконечно ждал, будто верный пёс, заглядывая в темноту, прислушиваясь к звукам за дверью, но никто не приходил.

Наступила новая неделя.

Звонок в дверь разорвал гнетущую тишину.

Фу Гэ замер, в первый момент даже подумал, что ему почудилось. Но едва осознав реальность происходящего, он сорвался с места, чувствуя, как в груди разгорается безумная надежда.

Но, распахнув дверь, он тут же замер.

Это был не Ци Хань.

На пороге стоял пожилой человек, сдержанный, прямой, с безупречно ровной осанкой и глубоко почтительным выражением лица.

— Добрый день, молодой господин Фу, — поклонился он с безупречной вежливостью. — Я дворецкий господина Ци. На этой неделе мне поручено заботиться о вас. Вы можете называть меня Гу Бо.

Фу Гэ сжал губы, будто хотел сказать что-то, но слова застряли в горле. Его плечи опустились, взгляд потускнел. Он выглядел, как выброшенный на улицу щенок, который до последнего верил, что хозяин вернётся.

— Гу Бо... Здравствуйте — голос его прозвучал тихо, будто бы сдавленно. Он отвёл взгляд, с отчаянием глядя в пустоту где-то за дверью, в надежде увидеть знакомый силуэт. — А господин... Он... чем он занят?

— Господин сейчас в периоде чувствительности*. Он находится в изоляции и вернётся через неделю.

— Период чувствительности... — Фу Гэ пробормотал эти слова, задумчиво повторяя их, словно пробуя на вкус. — Но ведь... я точно помню, что ещё много лет назад “Чжункэ Фармасьютикл” разработали новый сильнодействующий ингибитор для альфа, который способен подавлять жар спаривания всего за пять минут. Почему господин...

— Молодой господин Фу! — голос дворецкого резко оборвал его.

Гу Бо внимательно посмотрел на него, а затем, заметив искреннее непонимание в его глазах, лишь тяжело вздохнул и, покачав головой, смягчил тон:

— Господин... у него аллергия на ингибиторы. И ещё, запомните — “Чжункэ Фармасьютикл”... эти слова не должны звучать в его присутствии. Никогда. Не злите его лишний раз.

Он сделал вид, будто сказал это мимоходом, даже позволил себе лёгкую улыбку.

— Впрочем, “Чжункэ Фармасьютикл” уже больше пяти лет, как пришли в упадок, и сейчас мало кто из молодёжи о них знает.

— Кажется... — Фу Гэ опустил взгляд, его пальцы машинально теребили рукав. — Это потому, что их председатель носил такую же фамилию, как я. Когда вышли те новости, я невольно обратил на них внимание.

Гу Бо кивнул, но расспрашивать дальше не стал.

— 3S-альфа, который не может принимать ингибиторы... — Фу Гэ прошептал, словно осознавая всю глубину проблемы. — Как же господин переживал свои периоды чувствительности?

Дворецкий на мгновение замер, а затем, словно нехотя, ответил:

— Он просто терпел.

Его взгляд невольно скользнул на второй этаж, к двери запертой комнаты.

— Эта комната... только месяц назад была использована. Запах крови, наверное, ещё не до конца выветрился.

Фу Гэ почувствовал, как внутри что-то холодное сжало его сердце. Он перевёл взгляд на ту дверь, и голос его стал почти неразличимым:

— Неужели... господин... там... причиняет себе вред?

— Это уже стало обыденностью.

Гу Бо тяжело вздохнул.

— Когда становится невыносимо, остаётся только использовать боль, чтобы отвлечься. Господин пробовал всё, что попадалось под руку: столовые приборы, металлические перья, осколки стекла. В конце концов, от него просто убрали всё, чем он мог себя ранить. Тогда он начал бить кулаками о стальной каркас светильника.

Фу Гэ сжал в руках подушку так крепко, что ногти впились в ткань.

— Господин так страдал... но у него... разве никогда не было любимого омеги?

Гу Бо посмотрел на него, и Фу Гэ тут же отвёл взгляд, уши покраснели.

— Гу Бо, вы не подумайте ничего такого. Я... у меня нет права задавать такие вопросы.

Дворецкий усмехнулся, его глаза на мгновение вспыхнули пониманием.

— Хозяин никогда не делился со мной личными делами. Но если даже у него кто-то и был, едва ли он позволил бы привести этого человека сюда. Господин в период чувствительности бывает слишком... свиреп.

Улыбка Фу Гэ застыла, и в груди кольнуло странное, мучительное ощущение.

— Да... если действительно любишь, как можно подвергать такого человека страданиям?

— Дело не в этом, — негромко поправил его Гу Бо. — Когда господин входит в период чувствительности, он теряет контроль. Разум путается, он не отличает людей. Поэтому я и пришёл вас предупредить: если вдруг это случится снова, вам лучше держаться от него подальше. В противном случае... последствия могут быть очень тяжёлыми.

— Так он в любом случае теряет контроль, как только начинается период чувствительности? — Фу Гэ спросил скорее с любопытством, чем с тревогой.

— В девяти случаях из десяти, а если его что-то спровоцирует, то ещё хуже.

— Почему так?

— Ай, всё это из-за того, что он натерпелся в детстве.

Фу Гэ замер, в голове вспыхнули обрывки воспоминаний. В груди поднялась неприятная, тянущая боль.

Период чувствительности у Ци Ханя был мучительным, но, к счастью, коротким. Он редко длился дольше трёх дней, и на этот раз всё улеглось быстро.

Но стоило ему выйти из изоляционной комнаты, как его телефон взорвался звонком. Звонила полиция.

Голос на другом конце был официальным, деловым: «Господин Ци, в вашем доме произошло нападение. Есть пострадавшие.»

Дальше был только шум в ушах и время сжалось в точку. Он проехал путь, который обычно занимал полчаса, за пятнадцать минут.

Когда он ворвался в дом, не взглянув ни на одного из полицейских, его взгляд тут же нашёл их — Гу Бо и Фу Гэ.

— Господин, это моя вина... — Гу Бо начал было говорить, но Ци Хань махнул рукой, не дав ему продолжить.

В следующий момент он уже стоял на одном колене перед Фу Гэ, пальцами мягко заправляя выбившиеся пряди его длинных волос за ухо.

— Сяо Гэ... Ты как?

Плечи Фу Гэ дрогнули, словно он только в этот момент осознал, что всё закончилось. Он поднял на него взгляд, и в ту же секунду по его щекам покатались слёзы. В следующую — он уже рванулся вперёд, с силой прижимаясь к его груди.

— Господин... Вы наконец-то вернулись.

— Всё в порядке, я здесь.

Ци Хань без лишних слов подхватил его на руки. И только теперь его взгляд скользнул по полу, наткнувшись на оружие, изъятое полицейскими.

Длинный нож. Острый, с зазубренным лезвием. На нём ещё не успела засохнуть кровь.

Лицо Ци Ханя мгновенно застыло.

Его дыхание стало ровным, но слишком частым. В голове всё смешалось в кошмарные образы — Фу Гэ, пронзённый лезвием, его одежда, пропитанная кровью, его тело, безжизненно оседающее на пол.

Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох. Потом ещё один. И ещё.

Только тогда повернулся к полицейскому.

— Господин Ци, мы пока не установили личность нападавшего, — начал офицер, внимательно наблюдая за ним. — Но нам потребуется помощь этого молодого человека для составления отчёта.

Фу Гэ заёрзал у него на руках, чувствуя себя неловко.

— Господин, опустите меня...

Но стоило ему пошевелиться, как на него упал тот самый взгляд.

— Сиди спокойно.

Офицер помедлил, оглядел обоих и, с едва заметной осторожностью, спросил:

— Вы хотите уладить это без суда? Что господин Ци собирается делать с подозреваемыми?

Ци Хань поднял голову, и от его взгляда повеяло чем-то хищным. Власть, к которой он привык, проявилась во всей своей необузданной силе, а в голосе зазвучала скрытая ярость.

— Всё зависит от того, с какой целью они явились сюда с ножом и что собирались сделать с моим человеком.

Обычно его лицо оставалось непроницаемым, но в этот раз слова «мой человек» прозвучали так, будто он сжимал их зубами, проглатывая ненависть, которую не мог выразить иначе. Фу Гэ непроизвольно прижался к нему ещё крепче.

Полицейские не задержались в доме. Едва успели обработать рану на руке Фу Гэ, как Гу Бо уже поднялся, чтобы сообщить, что они ушли.

— Хорошо. Иди отдохни. Ты сегодня перенёс стресс.

Ци Хань сидел на краю кровати, аккуратно перевязывая руку. Его волосы за поездку растрепались, беспорядочно спадали на лоб, и Фу Гэ не мог отвести от него взгляда. Он наблюдал за каждым его движением — то следил за глубокими тенями под глазами, то разглядывал линию носа, и чем больше смотрел, тем сильнее ощущал, как его тянет к этому человеку.

— Насмотрелся? — Ци Хань вдруг поднял взгляд, поймав его на месте.

Фу Гэ чуть заметно улыбнулся.

— Сегодня господин особенно красив.

Когда-то он уже говорил это. Тогда Ци Хань лишь отмахнулся, обозвав его льстецом. Но сегодня рука, перебинтовывающая запястье, вдруг остановилась, а сам он замер, не сводя с него глаз.

— Что?.. — Фу Гэ смутился.

— Спать хочешь?

Фу Гэ моргнул, не сразу понимая вопрос.

— Рядом с вами — никогда.

Слова ещё не успели раствориться в воздухе, как его резко опрокинули на кровать. В следующее мгновение Ци Хань уже рванул вниз его одежду, накрыл собой, не оставляя пространства между ними.

Фу Гэ широко распахнул глаза, дыхание оборвалось.

— Вы... собираетесь?..

— Один раз.

Голос Ци Ханя был низким, горячим, срывающимся.

Отголоски периода чувствительности всё ещё тлели в его теле. Он ощущал холодящий страх, смешанный с адреналином, осознавал, насколько близко он был к тому, чтобы потерять Фу Гэ. Ему нужно было убедиться, что он здесь. Что он цел и принадлежит ему.

Глаза Фу Гэ тут же наполнились блестящей влагой, а голос сорвался на дрожащий, хрипловатый звук.

— Это... это утешение после пережитого страха? Это подачка?

Ци Хань резко сжал его за талию, приподнял и, опускаясь ниже, заговорил так тихо, что голос пробежал горячим ветром по его коже:

— Сяо Гэ... это ты жалеешь меня.

Фу Гэ запрокинул голову, позволяя целовать, кусать, оставлять следы в самых уязвимых местах, подставляя себя без остатка. Он хотел, чтобы Ци Хань забрал всё, что могло принадлежать только ему, хотел, чтобы боль проникала глубже, хотела, чтобы этот человек не мог без него жить.

— Господин... — его язык скользнул по горлу Ци Ханя, замирая на его кадыке. Он осмелел и прошептал:

— А я могу пожалеть вас дважды?

Ци Хань судорожно выдохнул, на мгновение потеряв контроль, но тут же впился в его запястья, удерживая на месте.

— Времени нет. Уже час ночи.

— Но до рассвета ещё шесть часов.

— Хм.

Ци Хань опустился ниже, напрягся, на его лице промелькнуло напряжённое выражение, и из горла вырвался низкий, сдавленный стон.

— Только на один раз.

Они слишком долго этого хотели.

Фу Гэ — два месяца.

Ци Хань — пять лет.

Он двигался, как осуждённый преступник, получивший отсрочку казни. В его действиях не было ни капли осторожности — словно это была последняя ночь в жизни, которую он мог использовать до конца, пока топор не сорвётся вниз.

Бета не может быть помечен, но Ци Хань оставлял свои метки повсюду.

На шее.

На запястьях.

На груди.

На талии.

На бедре.

На щиколотке.

Фу Гэ был полностью пропитан его феромонами, так, что его собственное тело отказывалось

повиноваться. Он дрожал, то теряя сознание, то приходя в себя от той же самой невыносимой встряски, в которую его вновь и вновь возвращали.

На последней грани, задыхаясь, он впился ногтями в спину Ци Ханя, кожа под его пальцами покрылась алыми царапинами. Голос был сорван, но всё равно из него вырвался тонкий, судорожный, почти хриплый стон:

— А Хань... Пожалуйста... отпусти...

Ци Хань словно обезумел. Его пальцы сильнее сжали талию, а в глазах мелькнуло нечто разрушительное.

— Как ты меня назвал? — его голос был едва узнаваем.

— Господин...

Фу Гэ всхлипнул, его тело вздрогнуло, когда он, повторяя это слово, терял сознание прямо у него в руках.

Очнулся он уже на рассвете, было пять утра.

Ци Хань только что вымыл его, завернул в одеяло, усадил обратно в кровать и, склонившись, поцеловал в изгиб стопы.

— Как ты?

Фу Гэ втянул воздух, попробовал поднять руку, но она осталась лежать, безвольно свисая с кровати.

— Я не могу двигаться.

— Когда выспишься, сможешь.

Он мягко подвинулся, но Фу Гэ тут же, не раздумывая, прижался к нему, уткнувшись в его шею, кончиками пальцев легко постукивая по кадыку.

Голос его звучал приглушённо, тягуче.

— Господин был слишком жесток...

— Тебе не понравилось?

Фу Гэ полуприкрыл глаза, лукаво улыбнулся, скользнул вверх, словно кошка, зарывшись носом в его подбородок.

— Не скажу.

— Господин не хочет закурить? — его пальцы медленно опустились, найдя его ладонь.

Ци Хань посмотрел на него сверху вниз, чуть прищурился.

— Ты хочешь?

— Мм... Вы уже почти месяц ничего мне не давали...

Ци Хань молча склонился, оставил лёгкий поцелуй у него на лбу, затем встал и пошёл за сигаретами.

Он сидел, обнажённый по пояс, на краю кровати, спина мощная, плечи широкие, грубые очертания мускулов подрагивали при каждом движении. Тёплый свет ночника ложился на его кожу, подчёркивая рельеф, и в этой небрежной позе было что-то необъяснимо притягательное.

Фу Гэ не выдержал.

— Господин, не выкуривайте всю...

Ци Хань усмехнулся, выдохнул дым.

— Не волнуйся, тебе хватит.

Он развернулся, одной ногой упёрся в матрас рядом с головой Фу Гэ, наклонился, и взгляд, слегка затуманенный дымом, лениво прошёлся по его телу. На каждом уголке его кожи виднелись яркие следы, оставленные ночью.

— Где?

Фу Гэ молча указал на бедро. Там, у самой кости, алела глубокая отметина от зубов.

Но Ци Хань вдруг замер.

Он смотрел на рану, потом перевёл взгляд на сигарету в своих пальцах и внезапно осознал — это уже не про удовольствие. Это про очередной долг, который он создаёт.

— Попробуем по-другому.

Фу Гэ не успел ничего понять. Он лишь увидел, как Ци Хань затягивается, а затем, не гася пламени, без колебаний прижимает раскалённый кончик прямо к собственной ключице.

— Не надо!

Фу Гэ вскрикнул и тут же бросился вперёд, инстинктивно пытаясь выхватить у него сигарету, но тот уже убрал её.

Взгляд Фу Гэ метнулся к обожжённому месту. Кожа почернела, обуглилась, вокруг неё расходялось лиловое покраснение.

Слёзы брызнули на глаза мгновенно.

— Господин... Зачем?!

Раньше, когда он делал это с Фу Гэ, он всегда тушил пламя, остужал его пальцами, проверял, чтобы осталась только тёплая зола. Но сейчас он даже не подумал гасить огонь.

— Нужно охладить... Лёд! Я сейчас принесу лёд!

Фу Гэ в панике метнулся в сторону, но его тут же перехватили.

Ци Хань схватил его руку и прижал к ране.

— Больно, Сяо Гэ? — его голос был низким, хриплым, будто выжатым из него.

Фу Гэ смотрел на него, дрожал, а затем кивнул, не в силах сдержать всхлип.

— Больно... Мне больно...

Но следом резко замотал головой.

— Сильнее, чем ожог. Гораздо сильнее... Господин, пожалуйста, не делайте этого... Вам это не нравится...

Фу Гэ был тем, кто всегда жаждал боли, а Ци Хань мог ощущать её только на уровне физиологии, но никак не глубже.

— Ты будешь продолжать жалеть меня? — его пальцы сомкнулись на подбородке Фу Гэ, голос был тихим, но в нём проскальзывала какая-то безумная, упёртая одержимость. — Ты будешь готовить для меня? Слушать, как я читаю вслух? Ждать, когда я вернусь домой? Ты по-прежнему будешь делать всё это?

— Да... Да! — Фу Гэ судорожно закивал, хватаясь за него, словно за единственное, что ещё держало его в реальности. — Я люблю вас, я всегда буду рядом...

— Хорошо. Тогда договорились.

Ци Хань взял телефон, повернул экран к нему. Там шла запись.

Глубокие, затуманенные красным глаза вспыхнули одержимостью и угрозой.

— Теперь это сохранено. Если в этот раз ты снова нарушишь своё слово, я тебя не прощу.

— Что... Вы только что сказали?

— Ничего.

Ци Хань улыбнулся.

— Спи.

Но спокойствие длилось недолго. Телефонный звонок разорвал тишину, и Ци Хань тут же сел на кровати, вытянув руку за мобильным.

— Прости, мне нужно срочно идти.

Он быстро поцеловал его в лоб.

— Поспи ещё немного. И поешь чего-нибудь лёгкого.

Фу Гэ прищурился, пробормотал в ответ пожелание удачи, но, когда остался один, сна уже не было ни в одном глазу.

Он медленно сел, скинул одеяло, не надев даже тапок, босиком направился к вешалке. Там

висел тот самый пиджак, который Ци Хань скинул накануне ночью. Он ещё не успел отправить его в стирку.

Фу Гэ поднял его, прижал к себе, вдохнул запах. Мягкая, дорогая ткань скользила под пальцами, он зарывался лицом в воротник, вдыхая слабый, еле уловимый аромат.

Фу Гэ медленно провёл носом по мягкой ткани, сантиметр за сантиметром, но вдруг почувствовал что-то твёрдое в кармане.

Он замер. Рука медленно, почти с опаской, потянулась внутрь и в следующий миг его кровь превратилась в лёд.

На ладонь упала темно-синяя шёлковая лента с подвешенным на ней тибетским молитвенным барабанчиком.

И два мужских обручальных кольца с бриллиантами.

В точности такие же, как в его снах.

ПП: *Белый колокольчик (*Platycodon grandiflorus*) — это ширококолокольчик, также известный как китайский колокольчик. В китайской культуре он символизирует надежду, верность и неизменность чувств.

*В АВО-вселенной период чувствительности (ααα, yìgǎnqī) — это особое физиологическое состояние, которое характерно для альфа. Это не течка (ααα, fāqíngqī), которая бывает у омега, а именно гормональный всплеск у альфа, когда их восприимчивость к омега-феромонам резко повышается, а самоконтроль ослабляется.

Во время этого периода альфы становятся более раздражительными, агрессивными или, наоборот, чрезмерно эмоциональными. Они легче возбуждаются, сильнее реагируют на запах омега, а иногда даже теряют способность себя контролировать. Поэтому богатые, влиятельные или дисциплинированные альфы обычно уходят в изоляцию, чтобы избежать проблем.

В зависимости от сеттинга и физиологии конкретного альфы период чувствительности может длиться от нескольких дней до недели и наступает раз в несколько месяцев или под влиянием определённых факторов (например, из-за близости с омегой, стресса или подавления собственных инстинктов).

<http://bllate.org/book/14453/1278305>